

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КЛАСС В ЭПОХУ РИСКОВ¹

В.А. Шкуратов

Южный федеральный университет

Аннотация: *В статье анализируются опасения российского политического класса в связи с «цветными революциями» в сопредельных странах. Также автор уточняет возможности теории рисков для проведения такого анализа и подчеркивает фактор идеологической ангажированности и политической мотивации, заложенной в теории рисков. «Risk-tign» западной социальной науки теоретически лоббирует европейскую интеграцию в форме наднационального государства. Взгляды российской политической элиты, как отмечает автор, больше соответствуют историческому моменту до складывания общества всеобщего благоденствия. Её главный риск состоит в неустойчивости порядка смены власти.*

Ключевые слова: *цветные революции, риск-поворот в западной социальной науке, национальное государство, общество всеобщего благоденствия, разделяемая суверенность, российская политическая элита, неустойчивость порядка смены власти.*

Призрак бродит по СНГ, призрак цветочно-оранжевого цвета. Перечитав эти строки, я подумал: а не переписать ли сказуемое из настоящего в прошедшее время? Бродил... лет десять, восемь, шесть, пять тому назад. В крайнем случае, год. Ведь у себя на родине оранжевый призрак уже давно полинял. Розы в грузинском саду отцвели и осыпались вместе с хризантемами (киргизские тюльпаны и вообще не распустились). И белые ленточки российского протеста поникли. Однако нет! Пусть бродит. Призраки — особая субстанция. Карл Маркс, запугивая в 1848 г. правящие классы Европы призраком коммунизма, сильно преувеличивал близость красных переворотов, но всё-таки они состоялись. Призрак, к тому же, есть феномен ментальный, и если его боятся, значит, он существует. Так в позапрошлом веке боялись быть похороненными заживо, в летаргическом сне. Действительно, страшная штука. Вроде бы ничего не предвещает конца, никаких симптомов и — просыпаешься, а ты уже в земле. Закопали. Такой исход в цветущем состоянии и без предувещаний очень тревожил некоторые художественные души.

¹ Статья была написана в 2008 г. и помещена в электронном издании «ВАШ журнал», на собственном сайте автора в Инкампусе ЮФУ в 2013 г. Редакция журнала «Политическая концептология» нашла её достаточно актуальной, чтобы опубликовать без изменений.

Однако это — страхи переразвитого писательского воображения. Для разьяснения же политических фантомов психоанализа и психокритики мало. Нужны социологические теории. О рисках.

Опасности и риски

Такие на богатом концепциями Западе есть. Чего-чего, а теории налаженная машина научного производства фабрикует бесперебойно. Западные обществоведы говорят даже о *risk-turn* в социологической мысли конца XX — начала XXI вв., о том, что модели общественно-исторического развития переводятся с языка благ и достижений в терминологию опасностей и потерь. Указанную научную моду ведут от книги немецкого социолога Ульриха Бека «Общество риска: на пути к другому модерну» (русс. пер., 2000). На родине автора она увидела свет в 1986 г.; в 1992 г. вышел её английский перевод, и книга стала настольной для исследователей социально-политических рисков. Закрепляя успех, Бек написал про общество риска уже целую библиотеку.

Итак, что такое риск? Отнюдь не синоним опасности, а подсчёт возможных отрицательных исходов дела. Понятие риска — исторически недавнее, современное. В сущности, до современности рисков не было — были опасности. Эти утверждения германского ученого вполне подкрепляются историей. Если из каждых пяти новорожденных четверо обязательно умрут до года, то нельзя говорить, что они рискуют умереть. Они просто умрут. Тут логичнее сказать «рискуют выжить», но такое выражение звучит нелепо, потому что риск — это вероятность отрицательного исхода. Страхование жизни в XIV в. — совершенно убыточное занятие. Чума. А если не чума — то война. А если не война — то голод. Средняя продолжительность жизни 18–19 лет. Перед нами общество полной необеспеченности физического существования. Встречались и тогда авантюристы, игравшие с фортуной, но подавляющее большинство населения исповедовало фаталистическое «Как Бог даст». Или: как звезды сложились. Предшественники экспертов — гадалки и прорицатели — всё-таки нестандартные аналитики. Свои прогнозы они не обосновывают по-научному и альтернатив не предлагают. Сколько-нибудь значительный интерес к рациональному высчитыванию шансов появляется в Новое время. Возникает математическая калькуляция исходов, теория вероятностей. Первый заказчик этой математической дисциплины — карточная игра. Профессиональный картежник — не фаталист. Ему очень даже интересно знать, когда и как поставить карту.

Но вернусь к У. Беку. Он пишет не просто о риске, его предмет — *общество* риска. Это означает, что не избранное меньшинство, но большинство населения начинает калькулировать варианты жизненной игры. Чтобы общество риска появилось, необходимо прежде добиться определенного благосостояния большинства. В осуществлении такой исторической задачи пройдет «первая современность». Только ко второй половине XX в. на Западе сформируется «общество всеобщего благоденствия», в котором среднестатистическому новорожденному гарантирована достаточно долгая и стабильная жизнь впереди². Но почти немедленно основания этого общества начинают размываться, и зарождается следующий цивилизационный тип — общество риска. Гарантии физического проживания для большинства оно оставляет, стабильного образа жизни — нет.

Человечество переходит ко второй модернизации. Чтобы понять суть исторического сдвига — надо сравнить две модернизации. Различия между эпохами в целом совпадают с различиями между разными стадиями индустриализма, а также индустриализмом и постиндустриализмом. Индустриальное общество, возникшее в XIX в., развивается в рамках национальных государств, рабочая сила для него воспроизводится моногамной семьёй, труд женщин и детей по найму нежелателен, социальная структура классовая, экспертное знание про-

² Формироваться оно стало раньше, однако среднестатистическому европейцу первой половине прошлого века не было гарантировано, что он не погибнет в одной из двух мировых войн.

тивостоит обыденному. Главный водораздел в таком обществе проходит между наёмными работниками и экономически неактивным населением, корни такой дифференциации натуральные — половые и возрастные. Однако рост индивидуализма и расширение рынка труда подрыывают «естественные устои» первой современности и её статусную структуру. Женщины и молодёжь уравниваются в правах с взрослыми мужчинами, «экспертократию» парирует появление на волне новой культуры дебатов контр-экспертных центров, личность пускается в перипетии рыночных отношений без поддержки семьи, корпорации и других авторитетов. Эмансипация, расширение карьерных и жизненных возможностей куплены ценой потери определённости и таких гарантий, которые в первой современности казались очевидными (постоянное рабочее место, стабильная семья, устойчивый социальный статус, ясная государственно-национальная и культурная принадлежность, целостное мировоззрение). «Простая модернизация становится рефлексивной модернизацией в той степени, в какой она освобождается от чар своих собственных, взятых за данность предпосылок, а затем разрушает их» [Beck, Bonss, Lau 2003: 3]. Какие же свои иллюзии должна прозреть, а затем и разрушить первая (простая) современность, чтобы стать второй (рефлексивной)? Правовую систему, рыночную экономику, корпорации, парламентскую демократию, семью, карьеру, жизненный путь человека в гарантированных условиях общества всеобщего благоденствия. Но пусть читателя не ужасает эта *Götterdämmerung*. Ко всем пунктам проскрипционного списка надо прибавить эпитет «национальная», и тогда всё станет на свои места. Европу, всё человечество, ожидает не гибель богов, не закат, а расцвет. Единственная плата, которую придется заплатить за входной билет в будущее, называется «национальное государство». В скользких определениях Бека не всегда прочитывается точная хронология намечаемого им исторического пути, но политико-идеологический вектор его историософии проставлен отчётливо. Он направлен противоположно неолиберализму вместе с обосновывающей его доктриной конца истории. По Беку, история не заканчивается. Её следующий шаг — возведение над рыночным глобализмом политической надстройки управления глобальными рисками; надстройка называется космополитическим государством. Национальное государство есть геоисторическая единица первой современности, в его пределах было создано общество всеобщего благоденствия, иначе говоря, досовременные опасности купированы в максимально возможной степени. Однако — только это государство укрепилось, поманило людей благополучной, обеспеченной жизнью для трудящегося большинства — и его возможности уже подорваны. На смену частичным и предсказуемым рискам приходят глобальные и непредсказуемые. Именно они создают водораздел между первой и второй современностями. С тремя видами рисков национальное государство справиться не может — с финансовыми, экологическими и террористическими.

С рисками финансовой глобализации мир столкнулся в 1929 г. Последствия биржевой катастрофы были неисчислимы. Выходили из затруднения уже наднациональными средствами. Бреттон-вудская система была уже опытом международной финансовой власти для всего мира (соцлагерь Бек из «мира» исключает). После 1970 гг. её прерогативы сокращаются и замещаются решениями *ad hoc*. Это чревато новым 1929 годом³.

Глобальный экологический риск грозно заявляет о себе экстремальными климатическими явлениями и возможной перспективой всемирного потопы в результате парникового эффекта.

Колокол же глобального насилия зазвонил 11 сентября 2001 г. Тогда стало понятно, что самостоятельно, по государствам, с террористической опасностью не справиться. Для Бека вывод ясен: «Долгосрочные ожидания неизвестных транснациональных рисков вызовут к существованию транснациональные сообщества риска. Но в водовороте их формирования, как и в водовороте современности, они так же трансформируют локальные культуры в новые

³ Стоит ли объяснять, что в начале второго десятилетия XXI в. его угроза висит над развитыми экономиками постоянно и спрятаться от неё в национальных квартирах невозможно?

формы, разрушая многие центральные институты, которые сейчас существуют. Но трансформация и деструкция — две неизбежные стороны необходимого политического процесса с новыми решениями» [Beck 2002: 42–43]

Транснациональные сообщества — это, конечно, весьма расплывчатый термин. Тем более — транснациональная власть. Можно видеть глобальную власть и по типу международного сотрудничества суверенных государств. Однако это совсем не то, что, по мнению западного теоретика, спасёт мир. У него речь идет именно о всемирном государстве, для которого суверенные державы должны поступиться своей автономией. Эффективность имеющихся ответов на глобальные риски у Бека под сомнением. Особый сарказм вызывает неолиберализм. 11 сентября 2001 г. — это Чернобыль глобализации. Ужасные картины окутанного дымом Нью-Йорка есть message: государство может неолиберализовать себя до смерти. Да и то сказать, приватизированная служба авиационной безопасности! Служащие стратегического ведомства с неполным рабочим днем и гибким графиком посещения, получающие меньше, чем персонал ресторанов «Макдональдс»! В ответ на катастрофу 11 сентября американский «национальный унилатерализм» перерождается в «глобальный унилатерализм». Унилатерализм по-русски означает односторонность. Иначе говоря, хотя внешнеполитические тезисы Вашингтона повышены до положений о международной безопасности, но это всё равно собственная американская «кочка зрения». Принцип «то, что хорошо для Америки — хорошо для мира» стал доктриной национальной безопасности. Для того, чтобы Америка жила в покое, мир должен американизироваться. Это вдвойне порочная политика. Во-первых, она агрессивна, а во-вторых, продолжает всё тот же дискредитированный неолиберальный курс⁴.

Обоим вариантам следует предпочесть космополитическое государство. Это пока ещё «рациональная утопия». Её реализация зависит от того, насколько заинтересованные участники разберутся в соотношении государственной автономии и государственного суверенитета. Отождествление автономии и суверенитета ошибочно. Автономия есть прерогатива национальной власти ведать неким списком государственных проблем единолично, без всякого вмешательства извне. В перечень входят оборона, безопасность, правовая система, административное устройство, экономика, образование, социальное обеспечение и т. д. Понятно, что поползновения на священных коров государства воспринимаются крайне болезненно, как ограничения его суверенитета. Но защищают-то, растолковывает Бек, не суверенитет, а именно автономию. Или понятие суверенитета, сложившееся в ранней современности в качестве атрибутки национального государства. Теперь же автономную суверенность придется преобразовывать в «разделенный суверенитет» (shared sovereignty) — если заинтересованные державы хотят совместно выжить, а не пропасть поодиночке.

⁴ Сочетание неолиберализма, доктрины экономической негосударственной глобализации, и вооруженного насаждения демократии создаёт не только концептуальные затруднения. Сия теоретическая антиномия ударяет по Пентагону, которому достаётся осуществлять неолиберальное отношение к завоеванным территориям. Предприняв силовую демократизацию Афганистана, Ирака, США отказались взять на себя полную ответственность оккупационной державы. Шеф Пентагона Д. Рамсфелд неукоснительно придерживался стратегии воздушной войны и минимального наземного присутствия. Предполагалось, что рыночная демократия в ближневосточных пустынях расцветёт как бы сама по себе, стоит свергнуть тирана и дать населению необходимые свободы. Трудно заподозрить руководителя Пентагона в наивности и прекраснодушии. Дело в доктрине. Ленин и Сталин тоже не были наивными людьми, а вот на классовой сознательности пролетариата не раз поскользнулись. За утопии американского неолиберализма Рамсфелд расплатился увольнением в ноябре 2006 г. Республиканцы потеряли большинство в конгрессе и проиграли президентские выборы 2008 и 2012 гг. Однако что делать с идефиксами политического класса и эгоизмом обывателя? Штаты по-прежнему хотят демократической американизации без оккупационных тягот. Между тем, разрушить военно-государственную инфраструктуру противника, разгромить его механизированные части высокоточным оружием — это одно, а контролировать территории немирных туземцев — совсем другое. Это не просто разные вещи, они лежат в разных исторических измерениях. В первом случае информационно-сетевые ИТ торжествуют над механическим порядком ранней современности, второй требует именно этого механического порядка. Постсовременные компьютеризированные солдаты плохо тянут гарнизонную лямку в горах и пустынях, а где взять современных?

Висеть нам вместе или висеть нам порознь?

Однако в какой степени германский автор и сходно с ним мыслящие учёные (в их числе известный английский социолог Э. Гидденс) представляют интерес всего человечества? Иначе говоря, являются ли глобальные риски обозначением планетарных катастроф или же это затруднения и тревоги части человечества? Теоретики и эксперты рисков настаивают на первом. Их оппоненты доходят до язвительных утверждений, что рефлексивная модернизация по У. Беку и Э. Гидденсу есть миф, уступающий в убедительности легендам племени бороро⁵. Про бороро, допустим, это преувеличение. В исторической части, теория Бека вполне убедительна. Однако, похоже, что глобальные риски до глобальности в смысле универсальности действительно не дотягивают.

Возникает подозрение, что все три группы проблем, названных глобальными — финансовые, экологические, террористические — не есть проблемы всего человечества, а в лучшем случае — золотого миллиарда. Прежде всего, это касается финансовых катаклизмов. Тех, у кого нет акций и банковских счетов, они мало затрагивают. Людей, вымиравших от голода, плохой воды, болезней в районе Африканского Рога, южнее Сахары вряд ли сильно взволнует падение биржевых котировок. А свой скудный гуманитарный паёк они получают и при очень низких индексах Доу-Джонса. Также, как и те социальные слои на Западе, которые хронически существуют на социальном пособии. Климатические проблемы? Ученые к единому мнению о причинах нынешнего потепления не пришли, и США на этом основании отказались подписать Киотский протокол. Ну, а что касается терроризма, то миллионы людей рукоплескали падению башен ВТЦ. Легко заметить, что глобальные риски концентрируются в плоскости психологического воздействия. Они касаются очень широкого, но не очень глубокого слоя коммуникативной культуры. Эфирными волнами эти воздействия огибают земной шар, не проникая в почву. 9/11 не нанесло ущерба военной мощи США, не подорвало их экономику, не ослабило американское государство. Человеческие жертвы и материальные потери сравнительно даже с небольшой войной XX века (а ведь теракт 9/11 сравнивают с войной) были незначительны. Утверждение, что после 11 сентября «границы частной безопасности растворяются, поскольку такая безопасность основана на фундаментальном потенциале компенсации ущерба» [Beck 2002: 41] не соответствуют действительности. Ущерб от громких террористических атак 2001–2006 гг. никакого влияния на статистику человеческих жертв не оказал, он несопоставим с потерями от дорожно-транспортных происшествий, промышленного травматизма, несчастных случаев, стихийных бедствий и т. д. Ущерб этот — символический, на реальной безопасности человечества он не сказывается. Вот на морально-психологическом состоянии людей сказывается, и весьма значительно. Следует понимать — тех жителей общества риска, которые живут в относительно комфортных условиях, а не тех, которые балансируют на грани выживания.

В теории рисков есть многозначительный посыл: по Беку и его коллегам, наука должна перейти от националистических методологий к методологиям космополитическим. Звучит грандиозно, и тотчас же ищешь противоядие такой эпистемологической безбрежности. Возникает мысль: а кто космополитические методологии заказывает?

⁵ «Как отмечает Леви-Строс, если сказитель будет трактовать свои истории подобно мифологоведам, если он будет объективировать их и дистанцироваться от них как этнографы — истории потеряют свою символическую возбудительность. Никто не будет верить в них, они превратятся просто в рассказы. Тем не менее, существуют различия между двумя случаями, и дело — вот в чем. Насколько известно, индейцы бороро никогда не утверждали, что их жизнь направляется всепроникающей рефлексией. Уже по этой причине к мифам бороро надо относиться более серьёзно, чем к мифу о рефлексивной модернизации» [Argyrou 2003: 39].

Перестроечный публицист выражался приземлённо: наука спит на одном ложе с администрацией, а учитель западных интеллектуалов М. Фуко более рафинированно: наука работает с властью в связке *pouvoir-savoir*.

Конечно, *risk-theory* предпочла бы иметь эпитетом для своих предостережений не ту строку, которую я поставил в заголовок этого раздела. Скорее, «возьмёмся за руки, друзья, чтоб не пропасть поодиночке». Однако у меня построения Бека и его коллег ассоциируются не с аккордами Окуджавы, а с английским чёрным юмором: «если не висеть нам вместе, то висеть нам порознь». Ведь отказываться от риторики суверенитета для правящих элит в нынешнем мире так же опасно, как и не поступаться державным курсом ни на йоту.

Первый случай — неприятности западноевропейских правительств вследствие «неправильных» волеизъявлений их граждан по Евроконституции» и провалы лидеров евроинтеграции на выборах, а второй — американский «унилатерализм», неприятности администрации Дж. Буша-младшего, да и его преемника тоже.

Теория общественно-политических рисков — это не просто версия алармизма в конце XX — начале XXI вв., но политическая доктрина актуального звучания. Её стержнем является судьба национального государства, подошедшего в двух локусах западной цивилизации, североамериканском и западноевропейском, к некой развилке. Национальные экономические, политические и военно-стратегические приоритеты ведущих мировых держав смещаются всё дальше за пределы их собственных границ и обобщаются в процессах глобализации. Совпадение территории со сферой преимущественных интересов и контроля суверенного государства, бывшее до сих пор основой правового устройства в мире, нарушается. Американская политическая мысль отреагировала на конец холодной войны и головокружительную перспективу превращения США в единственную сверхдержаву оптимистической версией конца истории. Гомогенизация мира предполагалась как распространение демократических свобод по планете с минимальным вмешательством национальных правительств в рыночную экономику. На помехи неолиберальному курсу США ответили «силовой демократизацией» и доктриной борьбы двух цивилизаций. Европейская альтернатива американскому неолиберализму не столь прямолинейна, и она исходно выдержана в не столь оптимистических тонах. У каждого свои заботы. Америка пережила триумф мирового гегемона. Европа была занята трудным делом гашения конфликтов на своей территории и обустройством лоскутного европейского дома. Не забудем и глубокой исторической памяти Старого Света.

За одними и теми же словами современного политического лексикона могут стоять разные вещи. Геополитика более фундаментальна, чем идеология. В геополитике планетарные хронотопы распределены по планете так, что не могут просто сдвинуться, переместиться. Они могут исполнять свою судьбу в *своей* планетоистории. Чем больше их место — тем больше вес, но больше и планетоисторическая инерция. Их нельзя передвинуть, переселить. Вынесу за скобки статьи случаи таких геополитических гигантов, как Индия, Китай. Для нашей темы достаточно взять три пересекающиеся конфигурации: Европу⁶, Северную Америку и Россию. В указанном пространстве оперируют одним секулярным политическим лексиконном современности и постсовременности, и оно составляет один цивилизационный круг, но геоисторические условия и поэтому ментальные установки трёх территорий различны. Геоисторическая Европа — полуостров на крайнем западе Евразии с изрезанной, расчлененной береговой линией и с большим разнообразием, пестротой ландшафтов и этноисторических провинций на сравнительно небольшом пространстве. И в этом отношении нынешняя Европа воспроизводит свою праформу — Древнюю Грецию. Маленькую, разнообразную, разделенную и единую в своем разнообразии. В Греции, как известно, возникла современная политическая организация. Она состояла в агоническом удержании равновесия разнообразных социальных сил. Спортивные соревнования, научно-философская дискуссия, борьба политиче-

⁶ Под Европой я буду понимать «политическую» Европу вне СНГ.

ских партий пошли отсюда, как и фундаментальный для индивидуализма принцип исономии — равновесия равновеликих сил. Сюда, кстати, относилась и война. В Древней Греции война — разновидность агона между полисами, в средние века — ремесло благородного сословия и поединки соперничающих монархов, куда не следует допускать простонародье. Динамическое равновесие, европейский пазл — это ученые слова. На деле, начиная с Тридцатилетней войны (завершившему её Вестфальскому миру приписывают авторство в закручивании этого пазла) соперничающие силы уравниваются крайне затратно. Две мировые войны типологически также есть расширенный европейский конфликт, своим запалом они имели старое европейское противоречие между Германией и Францией, главный театр боевых действий находится на старом континенте. Но после двух мировых боен становится очевидным, что третьей большой войны старому тесному континенту не перенести. Старая Европа воевать больше не хочет, её сознание пацифизируется. Она готова делиться суверенитетами ради выживания. Европейские суверенности вытерпели пребывание иностранных войск и баз на своей территории, чего раньше сколько-нибудь долго не случалось. Теза о том, что ради ответа на новые риски следует жертвовать автономией, конечно, не нова для европейской политической мысли. Она вынашивалась десятилетиями сидения под американским ядерным зонтиком. Да и в противоположность американскому романтизму европейское благоразумие выбрало бы стать красным, а не радиоактивным. Вместо вооружённого равновесия Европа поддерживает сейчас равновесие мирное, толерантное, дипломатическое. Она не считает, что противоречия когда-то снівелируются и счастлива заменой «братских войн» на перманентный переговорный процесс.

Risk-turn западной социальной науки теоретически лоббирует европейскую интеграцию в форме наднационального государства. Проводится та идея, что национально-территориальное государство в силу глобализации жизни и сопутствующих угроз устарело. Этому курсу противостоит социально-цивиристское кредо «Европа единого гражданского общества и суверенных социальных государств». Если европейские «космополит-государственники» всю эксплуатируют тему глобальных угроз, то «суверен-гражданственники» имеют мощную опору в социальных достижениях старых демократий. Европейские народы не спешат отказываться от благ welfare state, национального государства всеобщего благоденствия, в пользу тех, кто этих благ недополучил. «Публичное социальное обеспечение рассматривается в качестве фундаментального достижения современного общества подавляющим большинством во всех европейских странах; в большей части стран большинство народа думает, что решения, касающиеся этой сферы, должны оставаться в ведении их собственного национального правительства» [Ferrera 2003: 628].

С указанной позиции сторонникам «рациональной утопии» возражают, что национальное государство есть единственная реальная и жизнестойкая форма политического устройства нашего времени. То, что не есть национальное государство — это или, собственно, национальное американское государство, неправомерно и неудачно распространяемое за пределы США, где оно органично и адекватно, или гипотетичный вариант развития ЕС по направлению к общеевропейскому государству. Правда, как всегда (в теории, по крайней мере) *tertium datur*. Ещё одно мнение состоит в том, что списывать национальное государство в архив истории пока рано, что суверенные государства могут ещё справляться с вызовами времени своими силами и в рамках международных отношений, Речь не идёт о смене национальной государственности следующей формой государственности как сегодняшней задаче цивилизации. Вокруг идеи постнационального государства пытаются оформить себя ещё не вполне зрелые участники социальных и политических игр, а также взвешиваются ещё относительно новые для населения преимущества⁷, предоставляемые экономической и социополитической глобализацией [Sassen 2000: 167–170]. В истеблишменте размежевание тех, кто у руля стабильных

⁷ Следует отметить, что эти преимущества пока подаются, скорее, негативно: как возможность избежать больших потерь ценой сравнительно небольших.

национально-территориальных государств, и тех, кто предпочитает управлять рисками на просторах глобальности, весьма условно. Однако нельзя отрицать, что Европа над стыковкой национальных суверенностей в разных вариантах, в том числе в форме их консенсусного ограничения, работает.

Опасности и риски российского политкласса

За этими согласованиями двух ветвей западной цивилизации на обочине теоретического интереса остаётся третий — Россия. Её ситуация другая. США и СШЕ (читай ЕС) — это альтернативы западной глобальной (постнациональной) государственности, которая, если и не на пороге, то в проекте. Россия же стадии национального welfare state в XX веке не достигла. Она вступила в мир государственных рисков с недооформленностью важных национально-государственных атрибутов. Её территория устанавливается, её этносы переформируются, её административно-политическое устройство, политические партии, институты соцобеспечения — всё в движении. Для её элиты первостепенную важность составляют такие риски, которые выпадают из поля зрения риск-теории. Право «разделяемой суверенности» блокировать «внутреннюю ригидность» и «авторитарное окостенение» своих субъектов приобретает в России весьма разное звучание для разных слоев её элиты.

Центральная власть применяет его в отношении подчинённых звеньев административной вертикали, но в отношении себя самой это воспринимает как ограничение суверенитета извне. Для «потенциального правящего класса» из числа либеральной оппозиции оно очень подошло бы в отношении нынешней центральной власти. Применение к последней принципа разделяемой суверенности извне означало бы введение демократии без ненужных эпитетов. Явно или неявно этот потенциальный правящий класс поддержал бы мягкую протекцию над страной, поскольку без этого, по его мнению, Россию невозможно цивилизовать. Жесткая внешняя протекция (проще — оккупация) для России, конечно, исключена. Даже татаро-монгольское иго над Русью оказалось довольно поверхностным и непрямым. Внедренные же внутрь протекторы с Запада, какими были Романовы-Гольштейн-Готторпы, быстро отузились. Германские хозяева русской земли обзавелись местными привычками и не смогли переделать нетщательную страну. То же самое постигло и марксистскую идею, которая, войдя в реакцию с русской почвой, дала русский коммунизм.

Включение России в систему «разделяемых суверенитетов» означало бы ограничение её автономии не в плане отражения глобальных рисков, как полагает Бек, а для форсирования перехода к современному обществу. В «мягкую протекцию», как видно на примере вовлечённых в неё стран, входит ряд финансовых, правовых, оборонных, идеологических уступок суверенитета. Распространение на Россию такого проекта включало и американизацию в неолиберальном духе 1990-х гг., и элементы европейской конфедеративности (например, признание решений Европейского суда по правам человека). То, что речь идёт о разных платформах глобализации, не имеет особого значения, ведь дело состоит в подталкивании страны к «правильной национальной государственности», а не в переходе её к стадии постнациональной и посттерриториальной интеграции. Политика и риторика глобальных угроз здесь отчасти совершенно прагматичны, отчасти же служат не вполне по назначению, даже «совсем не». В последнем случае глобальные угрозы есть инструмент проталкивания неглобальной проблематики, но в той семантике, из которой сделаны «глобальные проблемы». Это понимают обе стороны.

Россия при В.В. Путине начинает подниматься к уровню благосостояния, необходимому для welfare state, пользуясь благоприятными для неё ценами на нефть и газ. К главнейшим для её политического класса опасностям относится недооформленность в ней современного порядка смены власти. Но этот дефект государственно-политического устройства имеет зна-

чение для всей страны, так как регулярная и беспроблемная элективная процедура является атрибутом welfare state.

Запад прошел свой путь от династийно-биологического, семейного наследования власти, от монархий и диктатур, до правильного регулярного элективного цикла парламентских демократий. Этот путь укладывается в переход от опасного общества к государству всеобщего благоденствия. Технически безукоризненные и регулярные выборы — такой же признак победы цивилизации над стихиями, как и эффективная медицина, социальное обеспечение, хорошая экология и т. д. Датированные графики смены власти замещают неопределённость биологического существования монарха или диктатора. Парламентская лотерея — контролируемый риск. Продолжение социально-политического режима при любом исходе гарантировано. Выборы воспроизводят национальное государство, которые даёт населению социальные гарантии и безопасность. Переход к парламентскому порядку современного государства страховал общество от династических смут, междоусобиц, революций и других опасностей пересмены власти. Системы социальных и политико-правовых гарантий сочетают разные измерения одного целого.

Некоторые недемократические режимы за счет природной ренты создают населению благосостояние, но это не правило, а исключение. Власть может щедро распределять среди подданных избыток сверхдоходов, но, если подданные лишены возможности воздействовать на власть посредством её переизбрания, их благополучие не гарантировано. В счетно-регулярных демократиях политическая элита преобразовалась в электоральные команды, безропотно принимающих каждые четыре, пять, семь лет вотум избирателей. Сомнения «уходить или не уходить» сменились уверенностью, которую до сих пор не может разделить российский политический класс.

Невыправленность механизма государственной правопреемственности преследует Россию с начала Нового времени. Трижды пересмена власти оборачивалась большими смутами: в начале XVII-го, в начале XX-го и в конце XX-го вв. А если брать «накладки» меньших размеров, то ни одна смена верховного правления в России от Петра I до нашего времени не была «совершенно штатной». Прогресс воспроизводства власти состоит не в том, чтобы регулярная и прозрачная элективная процедура обесцветила политическую жизнь, сделала её механической и скучной. Нет, избирательная компания на Западе — это драма, интрига, шоу. Но её издержки исчисляется в денежных единицах, а не в человеческих жизнях. Опасный переход избавляется от иррегулярностей, делается безопасным, когда биологические ритмы замещаются социальным временем выборного цикла, а бури групповых интересов, индивидуальных страстей, воль к власти разбиваются о безличный автоматизм элективно-счётной машины. Развитие состоит в освобождении механизма воспроизводства государственной власти от физиологии, также — от кланово-корпоративной лояльности, также — от привязки к собственности, материальным благам. Всё это — вполне очевидные вещи. Однако теоретики и практики демократизации зачастую упускают из вида, что образцовый конституционный легализм достигается только в зрелом современном обществе, подавившем другие коды политической наследственности, с благоразумным политическим классом, предпочитающем риски элективной лотереи опасностям и соблазнам иного снискания плода власти.

Перемена власти всегда сопровождается неопределённостью для правящей элиты. Но, в одном случае эта неопределённость как при карточной или биржевой игре, а в другом — ставки гораздо выше. При семейно-биологическом наследовании власти отделить последнюю от тела её носителя весьма трудно. Когда государственное управление так слито с биологией, то его смена доверена смерти, ненасильственной или насильственной.

За нерегулярность и непрозрачность ротации правящих команд приходится расплачиваться жертвоприношениями среди политического класса. Самая большая опасность для него — это физическое уничтожение. Непрерывно опальные министры и вельможи отправляются на плаху, гибнут монархи, страдают их семейства. Самая большая смута называется

гражданской войной, революцией. Это политическая чума, черная смерть. Тогда вообще вся верхушка политического класса подвергается уничтожению. Западная цивилизация избавилась от такой человекозатратности, придя к парламентской демократии, заменившей биологические (семейно-династические), классово-клановые, групповые порядки передачи власти регулярными элективными опросами «генеральной совокупности» — всего населения, достигшего возраста гражданской правоспособности. Восприимчиками власти при таких опросах являются нейтральные эксперты, специалисты, технические работники. Путь от «политической необеспеченности» к политическому welfare пролегает через революции. Мы должны понимать, что революционные жертвоприношения — не просто атавизмы. Свергнутого противника казнят едва ли только из мстительности. Ни Кромвель, ни Робеспьер, ни Ленин не были садистами. Ленин любил детей и кошек. Робеспьер был руссоистом, а Гитлер — вегетарианцем. Конечно, существуют доктрины наказания народом тиранов, угнетателей, предателей, учения о революционной целесообразности и т. д. Но всё-таки они не объясняют, почему людей надо лишать свободы и жизни. Террор возникает из замешательства порядка наследования власти и мутации такового, в моменты смены одной фракции политической элиты другой. Призраком цветной революции, как я пытался объяснять [Шкуратов 2006] мы обьязаны относительно бескровной или совсем бескровной ротации власти, уже почти достигающей степени конституционного легализма и при попытке подправить «почти» в «совсем». Мы видели, чем заканчивались эти попытки. Ведь создание прозрачного, автоматически действующего элективного механизма не есть только техническая задача. Нужно ещё, чтобы власть освободилась от биологии, идеи, имущества, дружбы и любви, стала абстрактной, сухой, счётно-экспертной властью. Исполнители же указанного механизма не освобождаются от семейных, клановых, материальных привязанностей и над ними не раскрывается зонтик «разделённого суверенитета» Они живут в не вполне состоявшемся welfare и не знают, сколько шагов отделяет его «почти» от его «совсем».

Шкуратов В.А. 2006. *Искусство экономной смерти (сотворение видеомира)*. — Ростов-на-Дону, «Наррадигма».

Argyrou V. 2003. «Reflexive modernisation» and other mythical realities. — *Anthropological Theory*. — Vol. 3(1).

Beck U. 2002 The Terrorist Threat World Risk Society Revisited. — *Theory, Culture & Society*. — Vol. 19(4).

Beck U., Bonss W., Lau C. 2003. The Theory of Reflexive Modernisation. Problematic, Hypothesis and Programme. — *Theory, Culture & Society*. — Vol. 20(2).

Ferrera M. 2003. European Integration and Citizenship. Changing Boundaries, New Structuring? — *Comparative Political Studies*. — 36(6).

Sassen S. 2000. Excavating Power. In Search of Frontier Zones and Actors. — *Theory, Culture & Society*. — Vol. 17(1).